

И.К.Шереметьев

Мексика: «восходящий гигант» в стратегическом «капкане» блока НАФТА

90-е годы прошлого столетия стали поворотной вехой в социально-экономическом развитии Мексики. Они ознаменовались резким (крутым) переходом от одной парадигмы (модели) развития (госкапиталистической, протекционистской) к другой, прямо ей противоположной — к модели открытой рыночной экономики, «раскрепощенной» от государственного участия и контроля. Почти одновременно с этим, в середине 90-х годов, страна вступила в североамериканский интеграционный блок НАФТА, надеясь таким образом стабилизировать и ускорить свой экономический рост, привлечь дополнительные внешние финансовые ресурсы для «стратегии восхождения», иначе говоря, перехода в разряд ведущих экономик мира. О том, что из этого получилось, с какими новыми проблемами столкнулась Мексика — «восходящий гигант» в условиях нынешнего финансово-экономического кризиса, подробнее говорится в этой статье.

Ключевые слова: модель развития, интеграция, НАФТА, БРИК, Мексика, мировой кризис, прогноз, наркотрафик, миграция.

ПОЧЕМУ ВЫБОР ПАЛ НА МЕКСИКУ? ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Специалисты-исследователи мировой экономики причисляют Мексику к особой группе государств современного мира, именуемой «восходящими странами-гигантами». При этом к первому «эшелону» (или «шеренге») относят Бразилию, Россию, Индию и Китай (группа БРИК), ко второму — Южно-Африканскую Республику, Пакистан, Индонезию и Мексику (группа ЮПИМ). Определелись и основные критерии такой градации. На первом плане — количественные параметры «стран-гигантов», т.е. их площадь, людские и природные ресурсы, размеры ВВП и т.д. В расчет принимаются и темпы экономического роста, как правило превосходящие темпы роста «старых» индустриально развитых государств. Отсюда и их наименование «восходящие страны-гиганты». Целесообразность, обоснованность и научная значимость выделения названных групп стран в общем

Игорь Константинович Шереметьев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН (v.teperman@ilaran.ru).

массиве государств современного мира, как и уже устоявшихся критериев такой группировки, сомнений не вызывает. Однако, как нам представляется, из поля зрения исследователей выпадает (или недооценивается) то обстоятельство, что «восходящие страны-гиганты» имеют особую национальную стратегию развития, придерживаются разных моделей (парадигм) «восхождения», опираются на различную конфигурацию источников и факторов экономического роста (как внешних, так и внутренних).

При оценке перспектив «восхождения» стран-гигантов важно также учитывать и степень социально-политической стабильности в каждой из них, ибо понятно, что шансы на успех «восхождения» выше у тех из них, где ниже уровень внутренней социально-политической конфликтности, где экономический рост трансформируется в развитие, в повышение благосостояния всего общества, а не отдельных его элитных групп и слоев.

Развитие Мексики как одной из «восходящих стран-гигантов» имеет свою ярко выраженную специфику. Она определяется тем, что здесь в 90-е годы прошлого столетия утвердилась модель открытой рыночной экономики с участием в североамериканском интеграционном блоке НАФТА. Вот что говорит по поводу этих перемен один из экспертов ЭКЛАК, координатор исследовательской деятельности этой комиссии в Мексике Хуан Карлос Морено-Брид: «Для того, чтобы понять сильные и слабые стороны нынешней мексиканской экономики, нужно иметь в виду, что ее структура в значительной мере сформировалась в результате интенсивного процесса реформ, развернувшегося здесь с середины 80-х годов прошлого столетия под влиянием мирового кризиса долгов, процесса, положившего начало отходу от традиционной модели развития, основанной на политике импорзамещения и вмешательства государства в экономику. Целью этих реформ было превратить экспорт и иностранные инвестиции в двигатели экономики. Эти преобразования, все более углублявшиеся сменяющимися друг друга правительствами, сделали мексиканскую экономику среднеразвитой и одной из самых открытых в мире в плане торговли и иностранных инвестиций с ограниченным вмешательством государства в экономическую сферу»¹.

ЭФФЕКТ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Ключевыми моментами либерально-рыночных преобразований в Мексике в 90-е годы прошлого столетия явились: отход от политики протекционизма, прикрывавшего раньше внутренний рынок страны от внешней конкуренции, отмена многих ранее существовавших ограничений на сферы деятельности иностранного капитала и уравнение его в правах с национальным частным капиталом, широкомасштабная приватизация активов государственного сектора в национальной экономике. Новая стратегия развития строилась на том, что все такого рода меры в совокупности позволят стране выбраться из долгового кризиса 80-х годов, стабилизировать свое финансовое положение, преодолеть гиперинфляцию, создать благоприятные условия для массированного привлечения иностранных инвестиций, обеспечить структурную перестройку национальной экономики посредством возрождения конкуренции на внутреннем рынке.

При новой модели развития радикально изменилось отношение к иностранному капиталу. Были внесены поправки в Закон об иностранных ин-

вестициях, принятый в 1973 г., и в Регламент Закона о поощрении национальных инвестиции и регулировании иностранных инвестиций (1989 г.), суть которых сводилась к отмене официально установленных ограничений на участие иностранного капитала в ряде ключевых («стратегически важных») отраслей. Позднее, в декабре 1993 г., был принят новый закон, допускавший мажоритарное участие иностранного капитала в широком круге отраслей и сфер деятельности, доля которых в ВВП страны превышала 80%. В их число вошли, в частности, кабельное телевидение, услуги морского транспорта, перевозки пассажиров и грузов наземным транспортом, производство автобусов и грузовиков, изготовление запасных частей к автотранспорту, нефтехимия (кроме основной), почти вся обрабатывающая промышленность (кроме производства оружия и взрывчатых веществ). Последним объектом политики либерализации стали частные коммерческие банки, доступ в которые для зарубежных инвесторов без каких-либо ограничений был открыт после пережитого страной острейшего банковского кризиса 1994 г.

В 1988 г. пост главы государства занял сравнительно молодой и энергичный политик Карлос Салинас де Гортари (1988—1994 гг. президентства). Это был убежденный сторонник неолиберализма, приверженец модели открытой рыночной экономики. Вступая в должность, в своей речи перед конгрессом он высоко оценил деятельность своего предшественника М. де ла Мадрида, его усилия по выводу страны из тяжелейшего кризиса 80-х годов посредством структурных преобразований и политики финансовой стабилизации и заявил о необходимости продолжения модернизации мексиканской экономики, чтобы не оказаться на обочине мирового развития².

А еще раньше, в ходе своей предвыборной кампании, на вопрос корреспондента журнала «Латинская Америка» о конкретных шагах по преодолению экономического кризиса, К.Салинас де Гортари ответил: «Я буду откровенно и решительно бороться против инфляции, но, как я уже указывал, не только против ее проявлений, а против самих ее корней. Мы должны покончить с инфляцией, превратившейся практически в раковую опухоль мексиканского общества. Мы будем продолжать структурные изменения путем оздоровления государственного бюджета, снижения неприоритетных расходов, ликвидации и продажи нестратегических и не имеющих приоритетного значения государственных предприятий»³.

«Салинастройка» (так стала называться политика рыночных преобразований нового президента) стала кульминационной фазой неолиберальных реформ в Мексике. Именно на этот период приходится пик разгосударствления и приватизации. О масштабах этого процесса говорит следующее сравнение. Шесть крупнейших стран Латинской Америки — Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика и Перу — в 1990—1992 гг. получили от приватизации в общей сложности 40 млрд долл. Из них 22 млрд, или более половины, пришлось на Мексику⁴.

Новый глава государства на первых порах избегал заявлять о намерении приватизировать банки. Так, еще до выборов он подчеркивал, что «национализированные банки должны служить главной поддержкой государственного и частного секторов...»⁵. Вскоре, однако, его позиция по этому вопросу в корне изменилась. Кредитно-банковская система страны, как и другие отрасли, подверглась основательной реорганизации, став одним из главных объектов приватизации. Говоря о структурных преобразованиях в

этой сфере, сподвижник президента, тогдашний министр финансов Педро Аспе (занимавший этот пост в 1989—1994 гг.) охарактеризовал их как «самые радикальные в мексиканской истории по своей глубине», заявив также что они стали «краеугольным камнем» экономических реформ⁶.

Совсем иначе на неолиберальные преобразования с применением монитаристской «рецептуры» отреагировал директор Мексиканского центра исследований национальной экономики Эдуардо Гонсалес. Он остроумно заметил: «Правительство сочло, что предписанное лекарство вполне приемлемо, нужно просто увеличить дозу и сроки его приема»⁷. Именно по такой «рецептуре» и действовало правительство К.Салинаса де Гортари.

Первоначальный эффект от либерально-рыночных преобразований был поистине впечатляющим. Ускоренными темпами стала развиваться внешняя торговля. На первом этапе реформ (1983—1994 гг.) внешний товарооборот увеличился в 3,3 раза. По доле в мировом экспорте Мексика переместилась с 28-го на 16-е место, в Латинской же Америке она заняла лидирующее положение. При этом значительно выросли продажи за рубеж товаров обрабатывающей промышленности (с 37,6% до 83,7%)⁸.

В страну хлынул беспрецедентный по масштабу поток иностранных инвестиций. Так, в 1991—1993 гг. в среднем поступало по 4,5 млрд долл., или 40% всего объема инвестиций, приходившихся на все государства Латинской Америки в данный период. В 1994—1995 гг. этот показатель возрос до 10 с лишним млрд, и мексиканская доля в региональном объеме прямых иностранных инвестиций поднялась до 42%⁹.

Необычайно привлекательным для иностранных инвесторов стал и фондовый рынок Мексики, куда стекались спекулятивные (портфельные) инвестиции. В целях пополнения государственного бюджета власти широко прибегали к практике выпуска краткосрочных ценных бумаг, котирувавшихся на фондовой бирже («сетес», «бондос», «ахустобонос», «тесобонос»). Гарантированные от обесценения соответствующей индексацией или их деноминацией в долларах («тесобонос») с повышенной процентной ставкой (существенно превышавшей ставку по аналогичным ценным бумагам в США) такого рода обязательства мексиканского казначейства и минфина пользовались широким спросом у иностранных (главным образом американских) инвесторов. Так, только в 1994 г. объем продаж «тесобонос» составил 28 млрд долл. Всего же за годы «салинастройки» в Мексику поступило около 77 млрд долл. портфельных инвестиций¹⁰.

В сфере финансов они действовали как «бомба замедленного действия», готовая взорваться при малейших признаках финансовой дестабилизации или политической неустойчивости в стране их пребывания. Это наглядно показали острейший банковский кризис, разразившийся в конце 1994 г. под влиянием политических неурядиц (индейские волнения на Юге Мексики, в политическом плане поддержанные противниками неолиберальных реформ и сближения с США), и убийства двух видных политических деятелей правящей Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI). Массовый отлив иностранных инвестиций, паническое изъятие вкладов из мексиканских банков иностранными владельцами дестабилизировали финансово-экономическую обстановку в стране, напомнили о «потерянном для развития десятилетии» 80-х годов. Первыми жертвами нового кризиса оказались строительство и автомобильная про-

мышленность, в которых объем производства упал в два раза. Около 20 тыс. предприятий объявили себя банкротами, в мелкой промышленности на грани разорения оказались 2 млн заведений. Массовое закрытие предприятий пополнило ряды безработных на 700 тыс. человек¹¹.

Как в период кризиса 80-х годов «тонущей» мексиканской экономике потребовалась мощная финансовая поддержка извне. Уже в феврале 1995 г. в Вашингтоне был подписан пакет документов, касающихся предоставления Мексике кредита в 20 млрд долл. из фонда денежной стабилизации США. Кредит был обусловлен рядом требований: сокращение государственных расходов, проведение рестриктивной денежно-кредитной политики, продолжение программы приватизации с целью получения от нее в течение трех лет дополнительно 12—14 млрд долл. В качестве гарантии по кредиту США оговаривали за собой право распоряжаться счетами нью-йоркского Федерального резервного банка, на которые поступают доходы от экспорта мексиканской нефти.

Но это была лишь часть внешней финансовой поддержки Мексики, которая в целом составила беспрецедентную в мировой практике сумму — почти 52 млрд долл. Помимо США, в программу кредитной помощи включились центральные банки Европы и Японии (10 млрд), МВФ (около 18 млрд), иностранные коммерческие банки (3 млрд), некоторые страны Латинской Америки (1 млрд). Не последнюю роль в столь «щедрой» помощи Мексики сыграли опасения мирового финансового сообщества и крупнейших транснациональных банков (ТНБ), что новый мексиканский кризис в случае его разрастания может распространиться и на другие страны. Подобная угроза существовала и во время долгового кризиса начала 80-х годов, когда Мексика заявила о своей неплатежеспособности.

Однако, как показал дальнейший ход событий, финансово-экономический кризис середины 90-х годов в Мексике оказался настолько острым и глубоким, что одной внешней финансовой поддержки, несмотря на ее беспрецедентные размеры, оказалось недостаточно для преодоления его разрушительных последствий. Власти были вынуждены прибегнуть к неординарным мерам — к политике так называемой «шоковой терапии», уже знакомой мексиканскому обществу по опыту кризисных 80-х годов. В марте 1995 г. правительством, которое возглавил следующий президент Эрнесто Седильо, была обнародована Программа чрезвычайных мер по преодолению экономического кризиса. В числе других мер она предусматривала увеличение налога на добавленную стоимость с 10% до 15%, повышение цен на продукцию и услуги государственного сектора (на бензин — на 45%, на электроэнергию — на 29%), сокращение денежно-кредитной эмиссии и государственных расходов. К разряду «шоковых» мер программы относилось сокращение реальной заработной платы примерно на 1/3 и количества рабочих мест на 750 тыс., рост уровня безработицы с 4% до 8%. Правительству удалось провести эту «драконовскую» программу через конгресс. Сторонниками Э.Седильо, имевшими большинство депутатских мест, она была признана очень жесткой, но «безальтернативной». Все же оппозиционные партии голосовали против нее¹³.

Итак, общими итогами либерально-рыночных преобразований в 90-е годы прошлого столетия явились, с одной стороны, глубокая транснационализация ее приватизированной экономики, захват ключевых позиций в ее производстве и финансово-банковской сфере ведущими (главным образом североамериканскими) ТНК и ТНБ, повышение степени уязвимости

национальной экономики от внешних сил и факторов. С другой — наличие устойчивой тенденции к снижению жизненного уровня широких масс населения, сохранение и углубление контрастов в распределении плодов экономического роста, усугубляемое практикой лечения социально-экономических недугов страны болезненным методом «шокоterapiи». Таким на деле оказался эффект структурных рыночных реформ в Мексике.

Новые испытания выпали на долю «восходящего гиганта» в первом десятилетии нынешнего века. Разразившейся в мире финансово-экономических кризис с эпицентром в США сильнее всего ударил по южному соседу, расположенному в опасной близости от эпицентра экономического потрясения и теснейшим образом привязанного к североамериканскому рынку.

Рассматривая влияние глобального кризиса на темпы роста различных групп стран, известные российские ученые-исследователи В.М.Давыдов и А.В.Бобровников пишут следующее: «На этом фоне (на фоне экономического спада в индустриально развитых государствах) экономики ВСГ первого эшелона (БРИК) в большинстве случаев выглядят относительно благополучно. Согласно упомянутым оценкам (имеются в виду оценки МВФ и британского аналитического центра при журнале «Экономист»), темпы прироста ВВП Китая в 2009 г., снизившись почти вдвое, останутся на вполне внушительном уровне — 6—7%. Индия продолжит динамичный рост с минимальным торможением (2009 г. — 5,4% против 7,3% в 2008 г.). Бразильский показатель перейдет в негатив, но спад по среднемировому стандарту предполагается умеренным — до 1,34%). Британский «Экономист» подчеркивает, что Бразилия одной из последних вошла в рецессию и, похоже, одной из первых выйдет из нее.

Россию, увы, в группе БРИК ожидает наихудший результат. Ей предрекается сокращение ВВП на 6,5%.

Но, пожалуй, все рекорды бьет Мексика. Здесь предполагается сокращение ВВП на 7,3%. Очевидно, что она пала жертвой экстремальной привязанности к эпицентру мирового кризиса. В Мексику напрямую (по торговым, финансовым и производственно-кооперационным каналам) происходил и происходит сброс издержек кризиса с севера при том, что мексиканское государство не обладает собственными финансовыми резервами необходимого объема и свободой маневра для «тушения экономического пожара», и, как теперь выясняется, должной внутриполитической устойчивостью¹⁴. Вот таким оказался конечный эффект неолиберальных экспериментов «салинастройки».

МЕКСИКА В НАФТА. РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

Известно, что в 90-е годы прошлого века США вознамерились осуществить грандиозный интеграционный проект в Западном полушарии («проект века», как его называли). Он предусматривал создание обширной зоны свободной торговли в Северной и Южной Америке. Открыто афишировались и цели такой затеи: оградить страны — участницы такого объединения от нараставшей внешней конкуренции, создать благоприятные («тепличные») условия для деятельности большого, транснационального бизнеса США на всем пространстве общей таможенной зоны. Вскоре, однако, выяснилось, что такой проект не устраивает многие латиноамериканские страны, поскольку противоречит их национальным интересам, чреват угро-

зой вытеснения американскими ТНК национального капитала на второстепенные позиции и подрыва их экономического суверенитета.

Тогда администрация У.Клинтон (автора проекта) пошла окольным путем: предприняла попытку создать зону свободной торговли в ее, так сказать, «усеченном» виде — в форме североамериканской зоны торговли (НАФТА) с тремя участниками — США, Канадой и Мексикой. Не оправдалась и попытка Вашингтона в дальнейшем привлечь в это объединение и другие латиноамериканские страны, и для этого были свои причины: эффект участия Мексики в НАФТА оказался совсем иным, чем ожидалось.

Расчет мексиканских властей, уверовавших в «чудодейственные» возможности неолиберализма, строился на том, что в рамках интеграционного блока НАФТА, сравнимого (если не превосходящего по своим параметрам и экономическому потенциалу) с Евросоюзом, Мексика получит определенные преимущества перед другими латиноамериканскими странами: возможность более широкого доступа к емкому североамериканскому рынку, что, в свою очередь, стимулирует ее экспорт и развитие обрабатывающей промышленности, улучшит торговый баланс с северным соседом, приведет к росту валютных накоплений. Ожидалось, что заработает и другой внешний «двигатель» развития мексиканской экономики, а именно, иностранные инвестиции, привлекаемые в страну внешней открытостью ее внутреннего рынка и благоприятным инвестиционным климатом. Все это в совокупности должно было обеспечить Мексике ускоренный экономический рост в условиях финансовой стабильности, дальнейшую структурную перестройку и модернизацию ее хозяйства.

Просчет же состоял в том, что чрезмерный «крен» в торгово-экономических связях в сторону «старшего партнера» по блоку НАФТА — США ввергнет мексиканскую экономику в «клубок» новых противоречий, сделает ее еще более зависимой и уязвимой от внешних факторов и прежде всего от положения дел в ведущей экономике Запада — экономике США. О том, насколько большим оказался этот «крен», говорят следующие данные. Доля США и Канады в мексиканском экспорте в 1997 г. достигла 87% и в импорте — 76%. При этом 85% мексиканского экспорта приходилось на продукцию обрабатывающей промышленности, доля которой в ВВП страны достигла 24%, оттеснив на второй план нефть и нефтепродукты, а также товары аграрного сектора экономики. Что касается мексиканского импорта, то в нем возросла доля инвестиционных товаров (машин и оборудования) и так называемой «промежуточной продукции» (полуфабрикатов, компонентов для сборки готовых изделий, специфических видов сырья и материалов промышленного происхождения). На эти статьи стало приходиться 78% всего импорта товаров. Таким образом к «чисто» товарной зависимости мексиканской экономики от североамериканского рынка добавилась зависимость производственно-технологическая. Наиболее развитая в промышленном отношении приграничная северная зона Мексики (представленная ее многочисленными сборочными предприятиями — небезызвестными «макиладорас») по существу стала «вынесенной» за пределы США частью американского индустриального комплекса.

Отдавая себе отчет в том, что вступление Мексики в НАФТА происходит на правах младшего партнера, что предопределяет ее подчиненное и зависимое положение в рамках данного союза, правительство К.Салинаса де Гортари стремилось сбалансировать это положение активизацией товарообмена с другими латиноамериканскими странами, уделяя особое вни-

мание заключению соглашений о свободной торговле с уже существующими субрегиональными интеграционными группировками — ЦАОР, КАРИКОМ, Меркосур, Группой трех и др. Однако такие меры ощутимого результате не принесли, «перекос» во внешних торгово-экономических связях в северном направлении так и не удалось преодолеть.

Согласно рекомендациям Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), для постепенного преодоления асимметрии (разрыва) в уровнях развития индустриальных и развивающихся стран последним необходимы среднегодовые темпы роста, превышающие 5%, для чего, в свою очередь, им необходимы инвестиции в основной капитал в объеме не ниже 25% к ВВП. Как же обстоит дело в Мексике с этой точки зрения? Как пишет вышеупомянутый специалист-аналитик ЭКЛАК Х. Карлос Морено-Брид, ее «экономика сегодня развивается гораздо медленнее по сравнению со своим историческим максимумом (имеются в виду 70-е годы прошлого века. — *И.Ш.*). И это несмотря на то, что внешние условия ее развития в первом десятилетии нынешнего века были необыкновенно благоприятными: имели место бурный рост мировой экономики, свободный доступ к рынку капиталов, улучшалось соотношение цен в торговом обмене»¹⁵.

В мексиканском случае, говорит он дальше, проблема темпов развития стоит особенно остро. Низкие темпы развития экономики сдерживают решение проблемы занятости трудоспособного населения. По различным оценкам, страна нуждается в ежегодном приросте новых рабочих мест от 800 тыс. до 1 млн. Если же при этом выдвигается задача существенно снизить уровень бедности, которой охвачено свыше 40% населения, и преодолеть крайнюю нищету («нищету на грани голода»), от которой страдают 10% мексиканцев, потребность в новых рабочих местах будет еще выше. Низкий динамизм развития мексиканской экономики, несмотря на впечатляющий рост ее экспорта, пишет далее Х.К.Морено-Брид, усилил тенденцию к расширению разрыва в уровнях ВВП на душу населения между Мексикой и США — партнерами по НАФТА. С момента вступления Мексики в этот блок этот показатель оставался неизменным — 16%, иначе говоря, был примерно таким же, как в 50-е годы прошлого века, — 50 лет назад, восклицает эксперт ЭКЛАК.

Важным следствием такого внушительного и несокращающегося контраста является массовая миграция «лишних рабочих рук» в Соединенных Штатах. По оценкам различных специалистов, в течение десяти последних лет от 400 тыс. до 500 тыс. мексиканцев ежегодно выезжают туда на заработки. И не будь такой «отдушины», замечает Х.К.Морено-Брид, ситуация на рынке труда в Мексике была бы еще хуже.

Помимо массовой миграции трудоспособного населения острой проблемой в рамках НАФТА стал наркотрафик. Интенсификация транспортных потоков объективно открыла новые возможности и для переброски наркотиков из Мексики в США. Положение осложняется коррупцией приграничных властей, призванных заниматься борьбой с наркобизнесом. Это нередко приводило к конфликтным ситуациям на мексиканско-американской границе. Комплекс мер противодействия этой угрозе включал создание при помощи США специальных мексиканских аэромобильных войсковых групп, их обучение и оснащение в специальном учебном центре Форт-Брэг (Северная Каролина), совместное отслеживание основных маршрутов наркотрафика. Курьезной мерой стало возведение «китайской стены» на границе с Мексикой, начатое в 1994 г., строи-

тельство которой продолжается до сих пор с применением новейших технических средств наблюдения и контроля за границей.

Северяне видят три причины для существования стены. Первая — пресечение нелегальной иммиграции, вторая — способ предотвращения терроризма (возможное проникновение его носителей через мексиканский коридор), третья — борьба с наркотрафиком¹⁶.

Победа на президентских выборах 2000 г. кандидата правых Висенте Фокса (срок пребывания на этом посту 2001—2006 гг.) усилила американское направление во внешней политике Мексики. Этот президент своей главной политической задачей провозгласил достижение качественного прорыва в решении миграционной проблемы с США. Как отмечал его первый министр иностранных дел Х.Кастаньеда, Фоксу удалось сделать то, чего не удавалось предыдущим администрациям в течение десятилетий. Он включил вопросы миграции в официальную повестку отношений на высшем уровне. Уже в феврале 2001 г. была создана двусторонняя комиссия высокого уровня и начаты переговоры по вопросам нелегальной миграции: разработка программ временной занятости, воссоединение семей мигрантов, обучение правилам легализации и натурализации. Был достигнут прогресс в решении вопроса об упрощении порядка выдачи гостевых виз сезонным рабочим.

Но несмотря на определенные достижения в решении ряда острых социально-экономических проблем, связанных с участием в блоке НАФТА, престиж В.Фокса в общественно-политических кругах Мексики неуклонно снижался, а критика со стороны оппозиции в адрес его «команды» усиливалась. Так, в апреле 2002 г. сенат (верхняя палата мексиканского конгресса) впервые в истории страны принял беспрецедентное решение — наложил запрет на поездку президента в США и Канаду, мотивируя это его чересчур проамериканским курсом и тем обстоятельством, что обе палаты конгресса систематически не информировались о результатах внешнеполитической деятельности президента. В вину ему вменялось также невыполнение предвыборных обещаний, неуклонное снижение жизненного уровня основной массы населения.

В весьма накаленной внутривнутриполитической обстановке в 2006 г. в стране произошла очередная «смена караула» — пост главы государства занял новый президент Ф.Кальдерон Инохос, так же как и Фокс, выдвиженец Партии национального действия (Partido de Acción Nacional, PAN). Ему теперь предстоит решать сложный комплекс внутренних и внешнеполитических проблем, возникших в связи с навалившимся на Мексику глобальным финансово-экономическим кризисом, а также с тем, что ныне правительство не в силах справиться с еще одним несчастьем — разросшейся до масштабов катастрофы войной с наркобизнесом, которая приводит к огромным людским потерям, в том числе и среди местного населения. Налицо кризис управляемости. Президент, поддерживающая его PAN, сторонники неолиберализма теряют доверие электората, а до президентских выборов (2012 г.) остается все меньше времени.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

В свете всего сказанного выше напрашивается вывод о двух возможных сценариях дальнейшего развития событий в Мексике, которой необходимо найти выход из нынешнего кризиса.

Сценарий первый. Сохранение модели открытой рыночной экономики, тесно привязанной к североамериканскому рынку. Здесь перспективы во многом и в первую очередь будут зависеть от того, как скоро США сами начнут выбираться из рецессии, насколько значительным будет их экономический подъем в посткризисном периоде, какие коррективы администрация Барака Обамы внесет в свою политику в отношении Латинской Америки в целом и — Мексики, младшего партнера по блоку НАФТА, в частности.

Прогнозные оценки, касающиеся состояния экономической конъюнктуры в США, носят противоречивый характер, их авторы (ведущие аналитические центры) не рискуют давать долгосрочных прогнозов. Но даже наиболее оптимистические оценки (окончание рецессии уже в 2010 г.) не сулят Мексике скорого выхода на «заветную» тропу — на траекторию устойчивого экономического роста и развития (принимая во внимание глубину постигнутого ее бедствия в 2008—2009 гг.). А это значит, что весь комплекс ее социальных проблем, если и будет решаться, то крайне медленно, не адекватно их остроте. Как было сказано выше, даже при 5%-ом ежегодном приросте ВВП страны потребуются годы для «рассасывания» безработицы и существенного сокращения гипертрофированного неформального «сектора выживания». Груз таких проблем, так и не решенных и в годы «салинастройки», и в последние годы правления PRI, и в период властвования PAN и ее президентов, будет питать политическую напряженность и сохранять высокий потенциал конфликтности в мексиканском обществе.

В случае нового обострения социально-политических (и этнических) противоречий в Мексике и, как следствие этого, перемен в режиме власти, возможен и **второй, альтернативный первому, сценарий** развития событий. На практике он может проявиться в разрыве с идеологией неолиберализма и отходе от действующей модели открытой рыночной экономики, показавшей свою несостоятельность в условиях нынешнего кризиса, в возрождении уже знакомой мексиканцам по опыту 60—70-х годов прошлого века госкапиталистической модели с присущей ей рестриктивной политикой в отношении иностранного капитала и покровительственной («патерналистской») в отношении частного национального капитала, с особым акцентом на социальную составляющую в деятельности обновленного государства.

При втором сценарии возможны и существенные перемены во внешней политике Мексики: пересмотр условий участия в НАФТА под углом зрения ее национальных интересов и укрепления государственного суверенитета. Выправление чрезмерного «крена» в торгово-экономических связях в северном направлении путем более интенсивного сотрудничества с другими латиноамериканскими странами, а также с государствами группы БРИК, все более претендующими на роль новых локомотивов мирового экономического развития. И, наконец, в случае смены власти в стране возможно ее сближение со странами — участниками левого и леворадикального направления в латиноамериканском регионе, что сулит Мексике и укрепление национального суверенитета, и возрождение былого престижа борца за интересы развивающихся стран.

Глубина кризиса, поразившего Мексику на исходе нынешнего десятилетия, острота ее нерешенных социальных проблем дают основание полагать, что второй, «радикальный» сценарий развития событий в этой стране вовсе не исключается. Он вполне реален, поскольку соответствует интересам широких слоев населения, укрепляет национальную независимость,

поднимает авторитет Мексики в глазах других латиноамериканских государств и отвечает ее историческим традициям.

P.S. Хочется закончить эту статью словами известного ученого-экономиста президента Эквадора Рафаэля Корреа, произнесенными им во время визита в Россию в октябре 2009 г. Вот какую оценку он дал неолиберальному проекту в Латинской Америке и в мире в целом: «В этом первом десятилетии XXI в. мы стали свидетелями политического, экономического и социального краха неолиберальной доктрины, явившейся причиной массовой гибели людей в мире. В Эквадоре и Латинской Америке в целом мы присутствуем при провале комплекса рецептов лечения этого недуга, составленного так называемым «Вашингтонским консенсусом», в котором мы, латиноамериканцы, даже не участвуем, хотя его рекомендации и были бездумно приняты нашей элитой и технократией.

Цель моего выступления — обсудить основные положения экономической теории «основного потока» и их применение в латиноамериканских странах. Исходя из своих размышлений, я постараюсь представить неортодоксальные альтернативы построения в Эквадоре и в целом в регионе нового общества, которое мы называем «социализмом XXI века»¹⁷.

Примкнет ли «восходящий гигант» Мексика к «основному потоку», покажет время. Но как было сказано нами выше, такая перспектива не исключается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ J.C.M o g e n o - B r i d . La economía mexicana frente a la crisis internacional. Nueva Sociedad. Caracas, 2009, N 220, p. 63.

² PRI. Modernización para la democracia. Mensaje de toma de posesión de Carlos Salinas de Gortari, como Presidente Constitucional de los Estados Unidos Mexicanos 1988—1994. Cuadernos de difusión propaganda. 1.XI.1988, N 8, p. 4—7.

³ América Latina, 1988, N 12, p. 67.

⁴ CEPAL. Políticas para mejorar la inserción en la economía mundial. Santiago, 1994, p. 220.

⁵ Proceso. México, 1990, N 705, p. 7.

⁶ Латинская Америка, 1997, № 7, с. 40.

⁷ Там же, 1996, № 3, с. 40.

⁸ А.Н.Б о р о в к о в, И.К.Ш е р е м е т ь е в. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., 1999, с. 32.

⁹ Там же, с. 73—74.

¹⁰ Там же, с. 74; Comercio exterior. México, 1995, N 11, p. 869.

¹¹ Латинская Америка. 1996, № 11, с. 12.

¹² А.Н.Б о р о в к о в, И.К.Ш е р е м е т ь е в. Указ соч., с. 81—82.

¹³ Там же, с. 84.

¹⁴ В.М.Д а в ы д о в, А.В.Б о б р о в н и к о в. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009, с. 203.

¹⁵ J.C.M o g e n o - B r i d . La economía mexicana frente a la crisis internacional, p. 71.

¹⁶ Мексика в современном мире и в системе международных отношений Российской Федерации. М., 2005, с. 34—35.

¹⁷ Латинская Америка, 2009, № 12, с. 4.